Ирина Жеребкина

Сталинские Антигоны

УДК 159.922.1
ББК 88.37
Ж 592

Книга рекомендована к печати Ученым советом Харьковского национального университета им. В.Н.Каразина

Рецензенты:
доктор философских наук *Я.М. Билык*
доктор философских наук *Е.В. Титарь*
кандидат философских наук *И.П. Билецкий*

Жеребкина И.А.

Ж592 Сталинские Антигоны / И.А. Жеребкина. – СПб.: Алетейя, 2019. – 244 с. – (Генеалогия женской субъективности в России).

ISBN 978-5-907115-71-2

Книга посвящена исследованию гибкости и подвижности границ «монструозного»/«нечеловеческого» и «человеческого» выбора, обуславливающих специфику гендерной чувственности в культуре сталинизма. Специальным предметом анализа является женский экзистенциальный выбор, который легализуется подобно радикальному выбору софокловской Антигоны, восставшей против патриархата античного полиса.

Что такое монструозный выбор, анализируемый Аленкой Зупанчич на примере романа Уильяма Сарояна «Выбор Софи»? Если субъект традиционной этики всегда жертвует собой, то в современной этике субъект лишен возможности жертвовать собой. Перед Софи в концентрационном лагере поставлен вопрос – кого из двух детей она согласится отправить в газовую камеру, а кого оставит в живых. Если она не сделает выбора, в камеру отправят двоих детей. Методологию Зупанчич Ирина Жеребкина применяет к случаю Светланы Аллилуевой – ведь Светлана, покинув СССР, предала не только своего отца, но и своих детей (сына Иосифа и дочь Катю), оставив их без всякой защиты.

Основным материалом являются мемуары и воспоминания представителей сталинской номенклатуры и членов их семей, при этом автор не отказывается от философской пародии на жанр мемуаров – обычный жанр в феминистской теории.

ISBN 978-5-907115-71-2

9 785907 115712

УДК 159.922.1
ББК 88.37

© И.А. Жеребкина, 2019
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2019

Содержание

Предисловие ко второму изданию. О монструозном выборе 8

Предисловие. Почему комическое? 10

Часть I. Не хотеть того, чего требуешь 15

Сталинские Антигоны, или что такое тоталитарный лидер?....16

Сексуальность в сталинскую эпоху, или об одной интервенции в любовь Сталина....25

Алкоголизм и диарея, или кто больше Антигона....37

Парадоксы тоталитаризма, или не хотеть того, чего требуешь 42

Часть II. Гетеросексуальное/гомосексуальное 49

Любовь и номенклатура 50

Искренность 59

Тоталитарный символизм, или материальные блага в эпоху сталинизма 66

«Наслаждайся!», или еще раз про любовь 71

Часть III. О меланхолии 76

«Детский вопрос» в эпоху сталинизма:
Эдип или Гамлет? 76

«Оковы любви» в семье 84

Новый Гамлет Василий Сталин 96

Часть IV. Квир-сексуальность, или «истинная любовь» 108

Сексуальность под пыткой: «даже тронуть тебя удавалось»,
или «а я очень люблю коммунистов» 108

К вопросу о сексуальных домогательствах, или что такое
«истинная любовь» 117

Некоторые особенности ЛГБТ в эпоху сталинизма 122

К вопросу о квир-сексуальности в сталинский период:
Сталин, Жанна д'Арк и Ленин 130

Часть V. Возвышенное 138

Этика Реального, или «стадии морального
совершенства» 138

Сталин против Лакана (или «тот станет всем») 147

Этика радикального добра в сталинизме, или возвышенное
как семья 154

Башмаки Хайдеггера, или что такое «получить пенис»
в эпоху сталинизма 160

Часть VI. Не диалог 166

Некоторые особенности теоретизации национального вопроса в бывшем СССР, или Берия как мультикультуралист 166

Модификации тоталитарного расизма: от «туземного информанта» к постколониальному наслаждению 175

Темное пятно в биографии Ленина, или о родинке Синди Кроуфорд 181

«Утро после»: субъект желания и субъект влечения 186

Часть VII. Не только коитус 192

Что такое самоубийство в эпоху сталинизма 192

Жертвование собой, или «дух есть кость» 203

Лиля – опять (или жертвование другим как высший тип этики) 214

Часть VIII. Феминистская интервенция в сталинизм Светланы Аллилуевой 221

Новые Антигоны, или феминизм в эпоху сталинизма 221

О невыносимой легкости предательства 225

«Кость есть кость», или пассионарная привязанность в эпоху сталинизма 233

Часть I

Не хотеть того, чего требуешь

Феномен сталинского тоталитаризма продолжает чувственно задевать нас, граждан бывшего СССР сегодня, спустя многие десятилетия после смерти Сталина и распада СССР прежде всего потому, что он является не просто фактом нашей истории или фигурой дискурса, а жизненной практикой по-прежнему так или иначе задействующей каждого постсоветского субъекта, о чем свидетельствуют, в частности, непрекращающиеся попытки «декоммунизации» в постсоциалистических странах. Ведь в условиях сталинизма тоталитарная власть является всесильной не только в публичном пространстве, но и контролирует любые внутренние интимные переживания и экзистенциальные состояния субъективности – в том числе чувства любви, привязанности, веры, надежды на возможность сопротивления.

В то же время, как бы вопреки разоблачительным материалам знаменитого XX съезда КПСС, наконец-то признавшего после 30 лет господства сталинизма в СССР ужасные факты преступных убийств миллионов людей, когда в ходе практик массового террора чудовищному насилию подвергались не только тела, но и души советских людей, новые, появившиеся в постсоветский период исторические исследования повседневной жизни эпохи сталинского тоталитаризма неожиданным образом свидетельствуют о вполне обычном и размеренном характере жизни большинства людей этого времени. Оказывается, например, что личная повседневная жизнь

советских граждан в эту мрачную эпоху парадоксальным образом мало чем отличалась от повседневной жизни в другие, более «вегетарианские» времена и ведущими в режиме чувственности советских людей были отнюдь не драматические экзистенциальные переживания (страх, гнев, отчаяние, вера или надежда), вызванные творящимся вокруг тоталитарным насилием, а вполне ординарные, обыденные и сугубо бытовые чувства. Например, историк Г.В.Андреевский в книге *Повседневная жизнь Москвы в Сталинскую эпоху: 1920-30-е годы*,[1] исследуя формы приватной жизни и коммуникативные практики сталинской Москвы в таких специфически-драматических и даже трагических социальных пространствах как, например, пространства «казенного дома» или «коммуналки», или быт такой по особенному зловещей в условиях сталинизма группы людей как, например, «служители московской Фемиды», не находит в них ничего «драматического» и «зловещего», отличающегося от повседневной жизни и чувственного опыта людей нашего времени. Можно сказать, что вопреки нашему настойчивому желанию дистанцироваться, отмежеваться от сталинских коммунальных, по определению Михаила Рыклина, терроротел,[2] исследования сталинской повседневности поразительным образом показывают, что несовпадения, которые мы обнаруживаем между ними (тоталитарными субъектами) и нами (субъектами эпохи либеральной демократии) на уровне экзистенциального опыта не носят принципиально неразрешимого характера.

Сталинские Антигоны, или что такое тоталитарный лидер?

Рассмотрим с этой точки зрения практики женского личного и политического сопротивления, борьбы за индивидуацию в сталинский период той, кого в терминах современной феминистской

---

1 *Андреевский Г.В.* Повседневная жизнь Москвы в Сталинскую эпоху: 1920-30-е годы. М.: Молодая гвардия, 2008.

2 См. *Рыклин Михаил*. Террорологики. Тарту-Москва: «Эйдос», 1992, с. 34-51.

теории можно назвать *сталинской Антигоной* (восставшей, как известно, против грозящего ей смертью патриархатного закона[3]) – великой актрисы сталинской эпохи Валентины Серовой, известной не только своими ролями в кино, но и являющейся лирическим адресатом одного из самых знаменитых стихотворений времен Второй мировой войны «Жди меня», написанного поэтом Константином Симоновым, которое впервые прозвучало по радио в декабре 1941 года, когда фашистские войска стояли под Москвой, и судьба СССР как государства оказалась под угрозой. Опубликованное вскоре по указанию Сталина в *Правде* (не публиковавшей до этого лирические стихи) стихотворение «Жди меня» сыграло важнейшую роль в мобилизации военного патриотизма жителей СССР после первых месяцев жесточайших поражений на фронте, общей растерянности и депрессии в ситуации стремительного отступления советских войск под ударами немецко-фашистских захватчиков.

Если главная звезда сталинского экрана актриса Любовь Орлова, как и многие другие являющиеся публичными фигурами женщины сталинской эпохи репрезентировали образцы традиционной, соответствующей патриархатному канону женственности, то их современница Валентина Серова, героиня получивших всенародную популярность военных стихов о любви в эпоху жесточайших тоталитарных репрессий кажется настоящей феминисткой, подобно софокловской Антигоне восставшей против патриархатного закона сталинского общества, нарушив его нормы, требующие беспрекословного подчинения. Сталинское общество требовало быть идеологически устойчивым и преданным Коммунистической партии – Валентина Серова даже не задумывалась об идеологии, а членов партии легкомысленно воспринимала исключительно по их достоинствам в постели (одним из ее многочисленных любовников был лидер сталинского ЦК ВЛКСМ Александр Косарев, впоследствии, как и многие другие её мужчины, расстрелянный; ей, а также ее матери – театральной актрисе Клавдии Половиковой приписывают любовные романы с секретарем ЦИК СССР Авелем Енукидзе, ближайшим

[3] См. *Butler Judith.* Antigone's Claim: Kinship Between Life and Death. New York: Columbia University Press, 2000.

другом и соратником Сталина, также расстрелянным. И т.д. и т.п.). Сталинское общество требовало быть верной женой – она же была неверной женой преданного власти любимого сталинского военного корреспондента, поэта и писателя, позже секретаря сталинского Союза советских писателей Константина Симонова, что являлось общеизвестным фактом в их кругу. Сталинское общество требовало аскезы – Валентина Серова вела вызывающе разгульный образ жизни, меняла наряды и машины (самой известной был единственный в Москве алый «крейслер», названный «Королева»), на фоне всеобщей бедности жила в неподобающей роскоши, пользуясь большим штатом слуг. Сталинское общество требовало скромности – она на фоне принудительной асексуальности сталинской эпохи была вызывающе порочной белокурой красавицей с роскошным сексапильным телом и большой грудью, сводящей с ума мужчин. Сталинское общество требовало здорового образа жизни – Валентина Серова с утра выпивала рюмку водки и рюмку коньяка, которые приносила ей в постель горничная: без этого ее рабочий день просто не начинался. Патриархатное сталинское общество требовало от женщин исполнения основной в этот период женской функции материнства – Серова была отвратительной матерью, лишенной материнских прав на дочь Машу от брака с Константином Симоновым и не уделявшей никакого внимания своему сыну Анатолию от первого брака с Героем Советского Союза летчиком Анатолием Серовым, сталинским «соколом» и комбригом, разбившимся при испытании нового самолета еще до его рождения. В результате ее сын стал алкоголиком. Сталинское общество требовало самоотверженного труда – Серова работала исключительно на вдохновении и только тогда, когда хотела: в результате за прогулы ее исключили из московского Малого театра (но, тем не менее, высокий литературный начальник Симонов преданно ждал окончания партийного собрания, после чего укутал ее роскошной норковой шубой, легко подхватил на руки и унес в ожидающий у входа «виллис» с открытым верхом с шофером)… Но именно эта женщина наряду с известным материнским образом с плаката «Родина-Мать зовет!» на долгие годы Великой Отечественной войны (1941-1945) стала важнейшим средством военной мобилизации мужских ресурсов СССР: ведь Серова воплощала и

другую – интимную и женственную – сторону канонического сталинского женского образа военного времени, воплощенную не в образе матери, но в образе жены и возлюбленной. Той, к которой обращался Константин Симонов в первые месяцы войны на фоне массированного отступления Советской Армии и огромных человеческих потерь: «пусть поверят сын и мать в то, что нет меня, пусть друзья устанут ждать, сядут у огня, выпьют горькое вино на помин души… Жди. И с ними заодно выпить не спеши»…

Как известно, сам Сталин, активно принимавший личное участие в создании высоких образов женского в культуре тоталитаризма и лично поддержавший публикацию «Жди меня» в *Правде*, несмотря на декларируемое советской властью гендерное равноправие женщин и мужчин и лицемерную поддержку на официальном уровне так называемых «трудящихся женщин», на самом деле их презирал, испытывая по отношению к ним невероятную брезгливость. И если официально Сталин говорил своим подчиненным «Я знаю, что многие из вас недооценивают женщин и даже посмеиваются над ними. Но это, товарищи, большая ошибка»[4] и т.д. и т.п., то неофициально своим крайним презрением и физиологической брезгливостью разрушил, как известно, личные жизни своей жены Надежды Аллилуевой и дочери Светланы.

Чтобы объяснить причины сталинского исключительно презрительного и жестокого отношения к собственной семье и прежде всего к жене, покончившей из-за этого жизнь самоубийством, его партийные соратники создавали различные легендарные версии, призванные прояснить и рационализировать беспричинную и иррациональную сталинскую жестокость. В частности, одной из самых известных является версия, согласно которой покончившая с собой жена Сталина Надежда Аллилуева являлась одновременно не только женой, но и дочерью Сталина – по аналогии с софокловской Антигоной, бывшей, как известно, сестрой и дочерью Эдипа – поскольку ее мать Ольга Евгеньевна редко отказывала в близости своим соратникам-революционерам и перед рождением Надежды как раз

---

[4] *Илизаров Борис.* Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. М.: «Вече», 2003, с. 345.

жила одновременно и с мужем, и со скрывавшимся у них на квартире в Баку Сталиным. Конечно же, в действительности отношения Сталина к членам его семьи были лишены измерения психоаналитической символической тайны и строились таким образом, что он, действуя в терминах тоталитарного закона, решительно отказывался вступать с ними в отношения буржуазного договора и, в конечном итоге, какой бы то ни было символической коммуникации. Но в этом нарушении механизма символического обмена и принципа буржуазного общественного договора и состоит, как известно, основной принцип тоталитаризма. Нет диалога, нет установки на то, чтобы разговаривать с женой: только аффектированное повторение одних и тех же мизогинистских суждений («Знавали мы таких идейных селедок, – кожа да кости!»[5]) и несогласие их менять. Чего стоит известный эпизод, когда Сталин после рождения сына Василия перестал разговаривать с женой и просто молчал, не отвечая на ее слова, в течение целого месяца (как оказалось, он всего лишь хотел, чтобы она перешла в коммуникации с ним с «вы» на «ты»). Это ли не проявление непреодолимого упорства тоталитарной власти, стремящейся не допустить никаких прагматических/буржуазных отношений обмена с другими?..

Но не совершенно ли таким же образом ведет себя и Валентина Серова с искренне влюбленным в нее молодым поэтом Константином Симоновым (впервые увидевшем Серову на сцене театра, когда ему было 24 года), долгие годы в унизительной форме отвергая его преданную, самоотверженную и покорную любовь, в то время как он с восторгом принимает любые ее скандальные выходки, оскорбления и постоянные измены. И это несмотря на предлагаемые им столь редкие в условиях войны материальные блага («Чего там только нет! Всевозможные угощения. Закуски всякие, водочка в фужере. По тем временам было трудно с продуктами, 1942 год… Но у них – стол шикарный».[6]). Если мы вспомним известные, начиная с Гегеля, историко-философские интерпретации

---

[5] Там же, с. 337.

[6] *Пушнова Наталья*. Валентина Серова. Круг отчуждения. М.: «АСТ», 2003, с. 156.

женской бунтующей субъективности софокловской Антигоны и ее отношений с Креонтом как представителем патриархатной власти, не позволяющей ей захоронить мертвое тело брата Полиника, то не можем ли мы вслед за интерпретацией Младена Долара и Славоя Жижека в книге *Вторая смерть оперы* предположить, что отношения Серовой и Симонова по структуре поразительно похожи на отношения неподвластной доводам разума бунтующей Антигоны и рационального Креонта. Ведь софокловский Креонт – отнюдь, по мнению Жижека, не злодей-самодур, а скорее бюрократ, который просто поддерживает общепринятый порядок в государстве и, с целью его сохранения, осуществляет обычную бюрократическую процедуру по отношению к мертвому телу Полиника (не разрешает его захоронить, следуя законам полиса) просто для того, чтобы не нарушать законы государства, то есть гражданский мир и покой, которые стремится нарушить Антигона (требуя захоронения тела Полиника вопреки государственному закону). Тем более не был злодеем-самодуром исполняющий, как и каждый советский гражданин, всего лишь общую государственную волю будущий секретарь Союза советских писателей Константин Симонов, поэт, известный как раз своим особым, несколько щегольским стилем и манерами в этот так называемый невегетарианский период, знаменитый, напротив, именно тем, что в официозную и бессердечную сталинскую культуру вносил как раз антропологические чувства (в частности, любовь к Валентине Серовой), даже в заказных военно-патриотических произведениях пытаясь передать экзистенциальные чувства. Более того, Симонов парадоксальным образом на фоне общего распространенного в сталинском государстве типа рабоче-крестьянской или народной маскулинности воплощает новый и крайне необычный для того времени мужской тип. Если все сталинские соратники – это просто, по выражению Сталина, «мешки с дерьмом» (Маленкова, в частности, Сталин обзывает «жирной свиньей», Молотова – «каменной жопой», а про Ворошилова известен анекдот, что когда знаменитый сталинский художник написал его портрет в начищенных сапогах в полный рост, то язвительный Радек вместо «Портрет Ворошилова» обозвал этот портрет «Портрет с сапогами» и т.д. и т.п.), то Симонов – подтянутый, стройный, смуглый

молодой пижон, по матери дворянского происхождения из князей Оболенских-Шаховских (хотя и скрывавший это), знающий толк в еде и вине, бесстрашный военный корреспондент, с первых же дней войны ушедший на фронт, покинув свою великую любовь, ценящий мужскую дружбу, бравирующий бесстрашием и пренебрежением к собственной жизни, но бесконечно, бескорыстно и жертвенно, в отличие от советской простонародной привычки презирать женщин, принятой в сталинском кругу и в стране в целом, верный образу своей капризной любимой, каждый день пишущий ей письма, исполненные заботы об ее быте, призывающие не нарушать хотя бы самые необходимые нормы здоровой жизни.

В течение долгих 8 лет до войны он безнадежно добивался ее взаимности, присутствовал на каждом ее выступлении в театре, ездил за ней на гастроли, неожиданно появляясь у театральных подъездов. («Я помню двух девочек, город ночной … в ту зиму вы поздно спектакли кончали. Две девочки ждали в подъезде со мной, чтоб вы, проходя, им два слова сказали. Да, я провожал вас. И все-таки к ним, пожалуй, щедрей, чем ко мне вы бывали. Двух слов они ждали. А я б и одним был счастлив, когда б мне его вы сказали».) Впервые Симонов увидел Серову на сцене театра и навсегда был сражен любовью. Тогда еще был жив ее молодой муж-летчик Герой Советского Союза Анатолий Серов, и молодая, знаменитая и самая красивая пара этого времени была безмерно счастлива, и Симонову, безнадежно следящему за Серовой из партера, абсолютно не на что было надеяться (но любовь всегда, как известно, возникает именно благодаря запрету и появлению недостижимого объекта желания…). Когда он написал знаменитое «Жди меня», стихи стали повторять весь мужской фронт и весь женский тыл; листочки с заветными стихами часто находили в гимнастерках погибших воинов. А Симонов и Серова после «Жди меня» стали представляться в качестве самой красивой, самой верной и самой патриотической парой периода войны. Но когда Валентина Серова, являясь отвергающей любые ограничительные рациональные нормы новой русской Антигоной, не ценящей, в отличие от Прекрасных Дам начала века, не только известные, вписывающие ее в фигуру верности воину стихи и не признающей не только освященный тоталитарной идеологией образ

женского, создаваемый военной пропагандой, но и тем самым фигуру Сталина, лично контролировавшего, как сегодня известно, каждую деталь военного пропагандистского дискурса, в очередной раз изменила Симонову, начав очередной любовный роман с женатым маршалом Рокоссовским, старше ее на 21 год, Симонов не побоялся с горечью публично признаться также и в этом, не отказавшись, тем не менее, от любви к своей неверной возлюбленной: «я очень тоскую, я б выискать рад, другую такую, чем ехать назад. Но где же другую такую мне взять, чтоб также в разлуке без нее тосковать? Где с тою же злостью найти мне глаза, чтоб редкою гостью была в них слеза. Чтоб также смеялся и пел ее рот, чтоб вновь я боялся, что она не придет…». Друзья и сослуживцы фронтовики не понимали и осуждали его; зафиксированный в его стихах факт, что Серова грубо нарушила сталинский пропагандистский заказ на военную верность в период Великой Отечественной войны, мог стоить Симонову жизни, тем более что Сталин не только, как уже было сказано, дал разрешение напечатать в *Правде* «Жди меня», но и даже пошутил, когда ему дали свежий экзепляр симоновского сборника *С тобой и без тебя* (1942), куда вошло и культовое «Жди меня», со своей известной зловещей иронией: «Книгу надо было издать в двух экземплярах. Один – для него, другой – для нее».[7] Однако Симонов, не испугавшись ни зловещей сталинской иронии, как правило являвшейся знаком приближающихся репрессий, ни угрозы суровых в условиях военного времени обвинений в отсутствии мужества и пораженчестве, отваживается – после создания возвышенного гимна женской любви и верности – открыто признать, что любимая ему не верна и публично выражает свои экзистенциальные переживания, вызванные изменой и, главное, отсутствием любви. Когда Серова в разгар войны в 43 году все-таки согласилась стать его женой – что для нее не означало ни обязательств соблюдения верности, ни изменения привычного образа жизни – он с горечью пишет: «Ты говорила мне «люблю», но это по ночам, сквозь зубы, а утром горькое «терплю» едва удерживали губы…».

[7] Там же, с. 148.

Другими словами, в отличие от государственника Креонта, перед лицом неординарной женщины бюрократически отстаивающего универсальный государственный порядок, Симонов рыцарски отстаивает только свою частную любовь, подчинив этой любви государственные дела и интересы, ни в чем не предавая бесшабашную и мечущуюся, нарушающую рациональный прагматический обмен Валентину Серову, по аналогии с Антигоной нарушавшей базисные ценности тоталитарного полиса даже в условиях войны с внешним противником, угрожающим разрушением самого этого полиса.

Не можем ли мы в результате предположить, что выдающаяся актриса эпохи сталинизма Валентина Серова в силу исключительной трансгрессивности её репрезентации фактически выступает женской версией фигуры тоталитарного лидера, воспроизводящей характер действий и дискурс самого Сталина, не случайно усаживавшего ее по правую руку от себя на кремлевских приемах, не смотря на открытое нарушение ей принятых в культуре сталинизма норм и запретов в отношении женской субъективности? На это также указывают ее исключительное бескорыстие и отвага, выделявшиеся на фоне порочного меркантилизма партийной номенклатуры, за проявление которого Сталин, как известно, безжалостно расстреливал «дорвавшихся» до ранее недоступных материальных благ соратников по партии, быстро утрачивавших в жажде накопительства всю свою прежнюю революционность (когда Сталин выделил Поскребышеву дачу, тот поцеловал его на радостях в ухо, а про Авеля Енукидзе всей Москве было известно, что за взятки он может освободить человека даже из лагеря или тюрьмы). С этими номенклатурными жестами резко контрастирует харизматический антимеркантильный жест Валентины Серовой, отказавшейся накануне войны от пятикомнатной квартиры на Тверской и переехавшей в маленькую двухкомнатную, а в своем, доходящем до самодеструктивности бесстрашии она безусловно превосходит самого Сталина, который, как с горечью вспоминает в своих мемуарах Микоян, никогда не был на фронте и лишь однажды выехал в сторону передовой только после отхода немцев от Москвы. Но, не доехав 70 километров по Минскому шоссе до линии фронта, Сталин, вспоминает Микоян, элементарно испугался звуков снарядов. Испугался при

этом до того, что, захотев на нервной почве в туалет, побоялся зайти за кусты и сделал кучу прямо на дороге, просто опустив штаны и не отходя ни шага в сторону перед лицом всего не моргнувшего и глазом высшего военного командования. Валентина Серова, в отличие от тоталитарного лидера-мужчины, является, как и Антигона, абсолютно бесстрашной – на протяжении всей войны выступает с концертами на передовой, отважно танцует и поет перед советскими солдатами под снарядами и при этом заводит многочисленные рискованные романы с военными.

Сексуальность в сталинскую эпоху, или об одной интервенции в любовь Сталина

Принято считать, что тоталитаризм характеризует предельный аскетизм и репрессия сексуальности. Но отражает ли этот взгляд реальные практики сексуальности в сталинскую эпоху?

Лакан на примере софокловской Антигоны показывает, что субъект как субъект нехватки всегда является субъектом желания, поэтому Антигона, будучи субъектом нехватки *par excellence* (её нехватка манифестирована как нехватка захоронения её брата Полиника) воплощает собой известную лакановскую «формулу сексуации». Жижек добавляет, что, конечно же, Антигона хочет не просто похоронить Полиника: разве захоронение мертвого тела Полиника является целью ее желания? Напротив, объектом ее желания является как раз некоторый недостижимый объект, вернее, сама невозможность осуществить желание (предать тело Полиника земле), или точнее – само желание как таковое, которое и существует до тех пор, пока оно не реализовано. Объект в таком случае приобретает характеристики ускользающего объекта желания.

Но не таким ли ускользающим объектом желания была для Симонова Валентина Серова, парадокс его любви к которой и состоял в том, что как только желание было реализовано и Серова стала не просто мучавшей его долгие годы неверной и нелюбящей возлюбленной, а женой, родившей ему через семь лет брака дочь и привыкшей к его неизменной преданной и бескорыстной поддержке, Симонов изменил свое отношение к ней, резко перейдя от любви

к равнодушию и даже презрению? Публичной демонстрацией «освобождения» от любви к Серовой стала откровенная сцена его близости с молодой вдовой погибшего от фронтовых ранений поэта Семена Гудзенко и дочкой сталинского маршала Жадова Ларисой, состоявшаяся в море возле новой симоновской дачи, построенной возле Сочи в десяти метрах от берега, на глазах у никогда не видевшей таких откровенных, да еще совершаемых публично в морской воде, сексуальных действий прислуги. Пятнадцать лет брака Симонова с Валентиной Серовой закончились его уходом и дележом квартиры, нищетой и алкоголизмом Серовой, лишением ее материнских прав на дочь, а затем и смертью женщины, которую он много лет боготворил. Жестокость проявилась и в стихах: он, предваряя современные постмодернистские писательские практики, переписал последнее стихотворение из напечатанного в феврале 1942 года сделавшего его самым знаменитым поэтом эпохи сборника *С тобой и без тебя* (в котором центральное место и занимало знаменитое «Жди меня»), придав ему совсем иное завершение, чем то, которое было десять лет назад, сделав приговор окончательным – «Я не могу писать тебе стихов ни той, что ты была, ни той, что стала…» – и, сняв все предыдущие знаменитые посвящения своих стихов «В.С.», оставив только одно – культовому «Жди меня». Только через много лет уже после смерти Валентины Серовой, родив от новой жены Ларисы Жадовой дочь Саню и прожив с ними счастливую семейную жизнь, за несколько дней до смерти Симонов признался их с Серовой общей дочери Маше, с которой не общался все эти годы: «Никто не принес мне столько горя в моей жизни, как твоя мать. И столько счастья…». И если Симонову все-таки удалось пережить свою мучительную любовь к ускользающему объекту желания, о которой знала вся страна, перечитывающая/пересчитывающая его мужские любовные травмы, то для Сталина этот момент освобождения от желания по отношению к женщине – жене Надежде Аллилуевой так никогда и не наступил, поскольку своим выстрелом в голову в 1932 году она навсегда ушла от него, навсегда оставшись недоступным, ускользающим объектом, которого, следуя лакановской формуле любви, так жаждет субъект.

Именно поэтому Сталин так мучился, совершив известный непроизвольный отчаянный отталкивающий жест перед ее гробом («Ты ушла как враг») и физически уничтожив всех ее родственников Аллилуевых, проявив особую жестокость к детям. Своим самоубийством она действительно предала его, не дав ему овладеть собой и успокоить его мучительное невротическое желание; и ничего в их отношениях уже никогда нельзя было ни изменить, ни объяснить. Ведь истерик, как известно, постоянно страдает от нехватки признания и в своих мучительных и страстных поисках неизменно ускользающей идентичности живет в мире повсюду окружающих его врагов (о, да! да! этих лживых и коварных «врагов народа», «безродных космополитов» и проч., и проч.), вновь и вновь нарушающих и без того неустойчивую идентичность субъекта. И вот та единственная, находящаяся с ним в отношениях копулярности, которой он мог бы безусловно доверять, хоть на минуту избавившись от тяжелейших мук подозрения и ощущения постоянной угрозы в ситуации, когда каждую секунду решалась судьба его жизни и смерти, ушла, предала его, навсегда оставив наедине с его невыносимыми нечеловеческими страданиями! Известный своим острым юмором Карл Радек сочинил перед лицом смерти свой последний горький анекдот: признался в том, что он и другие подсудимые своими лживыми показаниями, запирательствами и обманами на самом деле безжалостно и сознательно мучили самоотверженных следователей НКВД – этих верных защитников народа, чутких и гуманных друзей арестованных.[8] Однако если для осужденного на смерть Радека тоталитарный абсурд мог на мгновение принять форму анекдота, то для Сталина он был безусловной реальностью, не допускающей иронии. Ведь на самом деле именно по вине этих коварных, извращенных и лицемерных врагов, не только мучающих честных следователей НКВД, но и позволяющих себе рассказывать перед лицом смерти анекдоты вместо того, чтобы искренне покаяться в двурушничестве, Сталин мучительно страдал и мучительно защищался всеми доступными ему средствами. И она, любимая жена – вопреки его искренней вере в неё – садистически оставила его в этой изматывающей и непрерывной борьбе!

---

[8] Цит. по *Борев Юрий*. Сталиниада. М.: Олимп, 2003, с. 144.

Если сравнить их письма друг другу, то её более пространные по объему письма к нему производят поразительное впечатление формальной отчетности (о своей жизни и жизни детей), в то время как его короткие письма к ней – письма постоянно занятого диктатора, вершащего судьбы новой тоталитарной страны, дышат страстью: если она ни в одном письме никогда не назвала его ласково – только официальное «Иосиф», то он из письма в письмо страстно повторяет придуманное им для неё интимное имя – «Татька!»…

Исследователи феномена тоталитаризма часто обращают внимание на особый интимный характер отношений тоталитарного вождя с народными массами. Что также напоминает в образе Сталина о фигуре софокловской Антигоны, отважно преступающей нормы традиционной социальности, и о ее неудержимом сексуальном в лакановском смысле желании, это отмечаемая многими современниками женственность его манер. Историк Борис Илизаров в книге *Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива* (2003) отмечает многочисленные проявления сталинского кокетства, в частности, кокетливый, характерный для женщин прищур его глаз при общении с массой – например, когда Сталин стоял на трибуне Мавзолея на парадах. При этом, по мнению Илизарова, особый сталинский женский, явно непристойный прищур постоянно фиксируется не только пропагандистскими документальными кадрами кинохроники, но воспроизводится и на многочисленных изображениях Сталина на плакатах и портретах. Илизаров приводит также многочисленные свидетельства искреннего восхищения сталинской сексуальностью его ближайших соратников, например, Молотова («Сталин был красивый», «Сталин конечно нравился женщинам, он же был красивый, не то, что все другие», «у Сталина были очень красивые руки» и т.д. и т.п.), а также дочери диктатора Светланы, которая с удивлением отмечает, что такой аскетичный в быту, любящий старые вещи, которые он занашивал до дыр, прежде чем менял (отдавал нижнее белье в стирку только после бани; на даче в Сочи, где не было бани, он его вообще не менял), Сталин любил выходить перед публикой в белом кителе и долго стоять, чтобы им любовались; хотя любовь к знаменитому кителю Илизаров объясняет тем, что Сталин хорошо понимал неэстетическое впечатление своих не по-мужски

широковатых бедер, которые длинной до полбедра китель отлично прикрывал. Он же свидетельствует, что Сталин много и мучительно экспериментировал с формой своей прически, пока в конце концов не остановился на хорошо знакомом всем нам сегодня виде.

Масса для него, конечно, была, как и для всякого тоталитарного лидера, ускользающим объектом желания – как и жена Надежда Аллилуева. Собственно, отсюда его неудержимое влечение к познанию массы. Известно, что с момента основания в 1934 году и до самой смерти Сталина в 1953 году единственным критерием успешности работы следователей НКВД признавался факт признания арестованного (которое, естественно, могло совсем не соотносится с мерой наказания), и любимым чтением Сталина были протоколы допросов и признания как знакомых, так и незнакомых ему людей.

Термин «двурушник», по уточнению Олега Хархордина, первоначально возник из жаргона нищих и относился к человеку, обманным путем протягивающему в толкучке на паперти за милостыней обе руки.[9] Этот термин активно используется в «Инструкции 1933 г.», в разделе «Объекты чистки», описывая скрывающих свои действительные желания и намерения врагов и перерожденцев. Как известно, проблема «лицемерия» и «двурушничества» воспринималась Сталиным как одна из сугубо личных проблем, которая крайне обострилась в связи с самоубийством его жены Надежды Аллилуевой, неожиданно для него застрелившейся в 1932 году, которое Сталин воспринял как чудовищное предательство, травму которого он так и не смог преодолеть до конца своих дней. Как следствие этой трагедии предательства человеческая субъективность начинает восприниматься им в терминах жесткого, поистине кантовского бинаризма, делящего реальность на «вещь в себе» и «вещь для нас», и соответственно субъективность на субъекта, каким он является «на самом деле» и на субъекта как «двурушника». Отличие логики Сталина от кантовской заключается, однако, в том, что Кант, как известно, был агностик и не верил в возможность познания «вещи в себе» (того, что есть «на самом деле»), в то время

---

[9] *Хархордин Олег*. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. Спб.: «Летний сад», 2002, с.225.

как Сталин, в отличие от Канта, был гносеологическим оптимистом в трактовке структуры субъекта. Например, за марксовскими или ленинскими диалектическими мыслительными абстракциями «рабочего» или «капиталиста» и т.п. более наивный материалист Сталин видел реальных людей, искренне веря при этом, что именно в пытке, когда у субъекта искалечено и фактически отнято тело в его привычном, не нарушенном состоянии («вещь для нас»), рождается истинная субъективность человека («вещь в себе» или «на самом деле»). Поэтому если в 20-е годы оперативные практики познания человеческой субъективности были направлены прежде всего на ее внешние характеристики, интерпретируемые, например, в терминах спектрального анализа (так называемые спектральные характеристики классового врага[10]), то чистки 30-ых годов, осуществлявшиеся в соответствии с «Инструкцией 1933 г.» были направлены на поиск внутренних качеств человеческой субъективности, скрытых за внешними характеристиками – то есть на её или его «душу», в терминах Фуко. Отсюда у сталинских следователей возникает потребность анализировать, по словам Хархордина, не просто генеалогию субъективности (биографию, классовое происхождение и т.п.), но её внутренние психологические состояния – скрытые психологические мотивы, скрытые психологические характеристики, а также ее скрытую сексуальность. Это новое направление практик познания сталинской субъективности было закреплено в специальном постановлении времен Большого Террора, а именно постановлении Верховного Суда СССР от 31.12.38 г.:[11] если в 20-е годы для вынесения приговора следствию не требовалось, например, никаких доказательств причастности субъектов к контрреволюционной деятельности (идентифицировать классовых врагов и расстреливать их на месте можно фактически было на основании их внешнего вида и манеры поведения), то, с начала 30-ых годов, НКВД требуется выявлять и доказывать скрытые намерения осуждаемых субъектов.

---

[10] См. *Вышинский А.Я.* Теория судебных доказательств в Советском праве, М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941, с. 195.

[11] *Харкордин Олег.* Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности, с. 226.

Сам Сталин лично очень страдал в своей повседневной жизни от проявлений лицемерия и двурушничества: ему, как известно, необходимы были буквально ежедневные психологические доказательства *искренней* любви своих соратников, которых он ждал от них каждую ночь после тяжелой дневной работы в ходе долгих ночных застолий, в которых участвовали все члены Политбюро. Другими словами, стальной Сталин обнаруживает все симптомы классического невротика, мучительно страдающего от неспособности ближних к любви и дружбе (и поэтому самоубийство жены переживается им как самое страшное предательство в его жизни). Причем, особенностью установки невротика является, как известно, то, что он не способен поверить *никаким* доказательствам любви и верности других в соответствии с жестокими законами истерии: ведь другие/ближние невротика никогда не смогут удовлетворить его онтологическую нехватку, как бы они этого не желали. Именно поэтому Сталин, с одной стороны, так любил, по словам дочери, прямые доказательства народной любви (например, когда какая-нибудь ударница буквально падала в обморок в его присутствии; «я поняла, он любил толпу», пишет Светлана в *Двадцати письмах к другу*), а с другой стороны, неизменно говорил одно и то же, умаляя себя: «ну что я! я всего лишь маленький человек, это вот вы у нас – сколько хлопка собрали/тракторов построили и т.п.!» или «ну что я! Вот Ленин!» (последнее, впрочем, как и первое, было безусловной правдой, потому что основное чувство истерика, как известно – это чувство нехватки).

В то же время, отличие позиции Сталина по отношению к советским народным массам от его позиции по отношению к жене как ускользающим объектам желания проявляется в том, что если в первом случае он обладал потенциальной возможностью удовлетворить своё желание познания массы, например, посредством признаний, полученных в ходе следствия и пыток, то во втором случае в результате самоубийства жены он, как уже было сказано, навсегда остался наедине со своим неутолимым желанием желания. Эдвард Радзинский даже высказывает гипотезу, что именно самоубийство Надежды Аллилуевой стало причиной утраты Сталиным последних остатков гуманизма и переходом вскоре после самоубийства жены

к политике так называемого Большого Террора.[12] Однако, как свидетельствует лакановский психоанализ, разве способно какое-либо объективируемое практическое действие – даже такое грандиозное действие как осуществление массовых репрессий – заполнить ту символическую брешь в структуре невротической субъективности, которая производит и производится желанием желания?

О дальнейшей, после самоубийства жены персональной сексуальной жизни Сталина не известно почти ничего, и единственной женщиной, с которой он по необходимости удовлетворял свои сексуальные нужды, называют его экономку – полненькую и смешливую сотрудницу НКВД Валечку Истомину, о которой даже отличавшаяся сложным и властным, как и у отца, характером дочь Сталина Светлана вспоминает без всякой неприязни и ревности.

В то же время новые результаты современных исследований феномена Сталина и сталинизма свидетельствуют о том, что именно Сталин как раз и оказался в русской культуре тем, кто радикально пересмотрел традиционное для русской культурной традиции представление о сексуальности как относящейся к измерению символического (представленное в известном асексуальном символе Вечной женственности русской метафизики конца 19-начала 20 веков). В противоположность знаменитому лакановскому «нет сексуальных отношений», указывающему на приоритет символического в структуре сексуальных отношений, материалы в книгах Эдварда Радзинского, Бориса Илизарова, Ольги Трифоновой и других исследователей сталинского тоталитаризма свидетельствуют как раз о противоположном – о поразительном в условиях доминирования идеологии революционного аскетизма крайне физиологическом проявлении сталинской сексуальной чувственности как по отношению к взрослым женщинам (его любовницам в ссылках – Кузаковой, Петровской, Онуфриевой и другим), так и по отношению к девочкам-подросткам. Поэтому в числе причин самоубийства Надежды Аллилуевой в 1932 году называются не только политические мотивы (что Надежда узнала правду о голодоморе в Украине и стала открыто об этом говорить; что репрессировали ее друзей, в

[12] *Радзинский Эдвард*. Сталин. М.: АСТ, 1996.

частности, Бухарина и др.), но и инцестуальную травму Надежды: если ранее считалось, что их брак состоялся как вынужденный после изнасилования Сталиным в купе поезда молоденькой Нади Аллилуевой, ехавшей вместе со своим отцом по революционным делам, то большинство современных исследователей-историков соглашаются в том, что в действительности начало их отношений было вызвано непозволительной страстью 36-летнего темпераментного грузинского мачо к 15-летней девочке-подростку. Их сексуальные отношения были абсолютно недопустимы, во-первых, потому, что в культуре начала XX века 15-летняя девочка считалась еще неполовозрелым подростком и, во-вторых, потому, что Сталина до этого связывали бурные сексуальные отношения с ее матерью Ольгой Евгеньевной. На этом основывается альтернативная, представленная в книге Ларисы Васильевой *Дети Кремля*,[13] версия самоубийства Аллилуевой, согласно которой Надежда совершила его вследствие травмы инцеста. Ведь, если следовать версии Ларисы Васильевой, субъективность и тип родства Надежды Аллилуевой сопоставим с софокловской Антигоной, являющейся одновременно дочерью и сестрой Эдипа, женатого на своей матери Йокасте. В таком случае невроз инцестуальной травмы Надежды мог обостриться в ситуации, когда в её присутствии в ходе праздничного застолья 7 ноября 1932 года у Ворошилова Сталин стал откровенно заигрывать с женой будущего первого маршала СССР Александра Егорова, при этом бросая в Надежду хлебные катыши и в грубой форме заставляя её пить: «Эй, ты! Пей!» и т.д.

Более того, очевидно, он уехал с женой Егорова к себе на дачу в ту роковую ночь: по хрущевской версии, причиной самоубийства Аллилуевой стал ее ночной звонок мужу на так называемую «ближнюю дачу», когда новый несообразительный охранник честно ответил Надежде, что не может позвать к телефону товарища Сталина, так как «товарищ Сталин занят с женщиной».

В действительности вся сталинская семья была подвержена бурным сексуальным страстям, бушевавшим вопреки асексуальной политической идеологии и идеологическому символизму этой эпо-

---

[13] *Васильева Лариса*. Дети Кремля. М.: Атлантида, АСТ, 1997.